

Дорогие ребята!

Многие из вас читали книги о замечательных собаках — сильном и храбром Белом Клыкe, об умнице Каштанке и о преданном людям Мухтаре. Маленький щенок Кыш, о котором я пишу, пока ещё ничем не выдающаяся собака. Но для её хозяина Алёши Сероглазова она самая умная, самая преданная собака на свете. Первокласснику Алёше, для которого началась совсем новая жизнь школьника, и любопытному Кышу трудно не попасть в разные передряги. К великой радости автора, они кончатся благополучно, потому что в самый трудный момент Алёша не предал Кыша, а Кыш верил, что настоящий друг Алёша выручит его из беды.

Мне очень хочется, чтобы вы любили друзей человека, будь это серый воробышек, маленькая рыбка или огромный слон. Кто знает, может быть, случится так, что кому-нибудь из вас, когда вы станете взрослыми, придётся впервые ступить на новую планету и встретить там неизвестных животных. Пусть они знают, что человек пришёл к ним как друг, с добром и любовью.

ЮЗ АЛЕШКОВСКИЙ

ГЛАВА 1

Это был мой первый выходной день, потому что я первый раз в своей жизни целую неделю проучился в первом классе.

Как нужно начать такой день, я не знал и поэтому решил подражать папе: проснувшись, заложил руки под голову и уставился в окно.

Однажды папа сказал, что в воскресное утро, так как не надо спешить на работу, он думает о всякой всячине и о том, как прошла целая неделя. Чего в ней было больше — хорошего или плохого? И если больше плохого, то кто в этом виноват: сам папа или, как он любит говорить, стечение обстоятельств?

В моей первой школьной неделе было больше плохого. И не из-за меня, а из-за обстоятельств, которые начали стекаться давно.

Если бы я родился хотя бы на два дня позже, то мне исполнилось бы семь лет не тридцать первого августа, а второго сентября и меня не приняли бы в школу. Но папе и так пришлось уговаривать завуча. И завуч согласился принять меня с испытательным сроком.

Я был самым младшим и маленьким по росту учеником во всей школе.

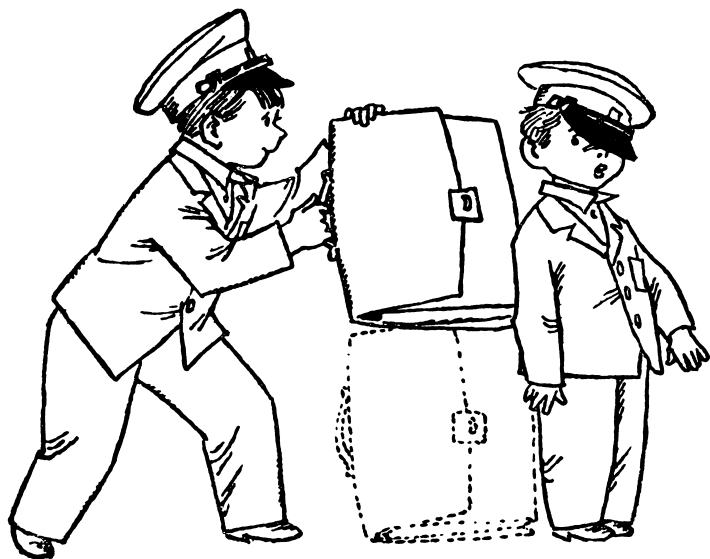
В «Детском мире» мне купили самую маленькую форму, но на примерке в кабине оказалось, что и она велика. Мама попросила снять форму

с незаправдашнего первоклашки, который стоял в витрине и улыбался, но маму уговорили отказаться от этой просьбы и посоветовали форму перешить. Ещё ей надавали советов, чем меня кормить, чтобы я быстрее рос.

Мама сама укоротила брюки, а фуражку всю ночь держали в горячей воде, потом натянули на кастрюлю и выгладили, но она всё равно спадала мне на глаза.

В общем, первого сентября я пошёл в школу, и на первой же перемене самый высокий из нашего класса мальчик Миша Львов измерил меня с ног до головы моим же портфелем. Измерил и тут же дал мне прозвище Двапортфеля. А сам себе он присвоил прозвище Тигра. Из-за фамилии Львов.

Даже до старшеклассников дошло моё прозвище. На переменках они глазели на меня и удивлялись:

— Двапортфеля!

— Действительно, Двапортфеля!

Они меня не дразнили, но всё равно я чувствовал самую большую обиду из всех, которые получал в яслях, в детском саду, во дворе и дома.

Я отходил куда-нибудь в сторонку, ни с кем не играл, и мне было так скучно, что хотелось плакать.

Правда, однажды ко мне подошла старшеклассница, погладила по голове и сказала:

— Двапортфеля, не вешай нос. Придёт время, и ты станешь четырёхпортфеля, потом пять, а потом восемь. Вот посмотришь! А на переменке не стой на одном месте. Разминай косточки. И никого не бойся. Начнут пугать — раздувай ноздри. Сразу отстают. Я всегда так делала. Я — Оля.

— А я — Алёша, — сказал я, и Оля показала, как надо раздувать ноздри.

Но сколько я их потом ни раздувал, это никого не пугало, и у меня в ушах шумело от крика:

— Двапортфеля! Двапортфеля-а!

За такое прозвище я возненавидел Тигру.

Хорошо было Дадаеву. Его прозвали Дада! Капустина — Кочаном. Галю Пелёнкину, как бразильского футболиста, — Пеле. Гусева зовут Тега-тега, и он очень рад. Лёню Каца — Кацо. Один я — Двапортфеля.

Ничего! Может, со временем им всем надоест такое длинное прозвище, и от него останется только Феля. Феля! Это неплохо...

Так я лежал и думал и вдруг засмотрелся... Перед моим окном на одном месте, прямо как вертолёт, висел воробей и вдруг — ба-бах! Стукнулся об стекло, упал на карниз, потом опять подпрыгнул,

затрепыхался и что-то пытался клюнуть. Тут я увидел большую синюю муху, которая залетела в комнату и хотела улететь обратно. Она жужжала, металась по стеклу, потом замолкала, как будто теряла сознание, и снова начинала кружиться на стекле, как на катке.

«Вот глупый воробей, — подумал я, — видит муху у самого своего клюва, а клюнуть не может. Наверно, он злится и удивляется, как это вдруг ни с того ни с сего такой тёплый движущийся воздух стал твёрдым и холодным. И муха удивляется, что всё прозрачно, а улететь нельзя».

Вдруг воробей ещё раз разлетелся и через форточку пульей влетел в комнату. Я вскрикнул, взмахнул одеялом — он испугался, сделал круг под потолком, полетел обратно и затрепыхался на стекле рядом с мухой.

А мне что-то стало жалко и воробья, и муху. Выходной день... Утро такое хорошее, а они попались...

Я спрыгнул с кровати и распахнул окно.

— Летите, глупые, по своим делам! Вам не понять, что это не воздух вокруг затвердел, а стекло прозрачное. А мне понятно, потому что я — человек!

Так я сказал вслух, выглянул в окно, и мне тоже захотелось на улицу.

ГЛАВА 2

Как я и думал, мамы не было дома. Она давно-давно, когда ещё была жива бабушка, договорилась с папой, что воскресенье до обеда — её день. Мы с папой на это время были предоставлены сами себе.

Папа лежал на диван-кровати так же, как только что лежал я, и размышлял.

— Дождя нет. Надо вставать и куда-нибудь идти, — сказал я.

Папа скосил на меня глаза и ничего не ответил.

— Ну, как прошла неделя? (Папа молчал.) Больше было плохого?

— Было и хорошее, и плохое, — наконец откликнулся папа. — Но, в общем, вся неделя была серой. Серость — это самое худшее из всего, что может быть. По-моему, не случайно пауки и крысы... брр... серые...

— А слоны? — возразил я.

— Слоны — серебряно-серые. Это совсем другое дело. И дирижабли и самолёты тоже серебряно-серые, — уточнил папа.

Хороших недель в жизни у меня было много, плохих, вроде первой школьной, мало, но серая неделя — это уже что-то новое. Когда мы пошли умываться, я спросил:

— Значит, всё-всё было серым? И дела тоже?

— Раз мысли серые, значит, и дела серые.

— Ну а погода?

— Я, кажется, сказал, что серым было всё!

Папа взял мои ладони в свои, взбил густую розовую пену. Мне самому никогда не удавалось так намыливать руки.

— Ты что-то путаешь, — заметил я, — погода на этой неделе была солнечная. Ни тучи, ни дождевики.

— Будем стоять здесь и беседовать? Хочешь, чтобы и воскресенье было серым? Смывай быстрей мыло!

— А может, ты сам виноват, что всё было серым? — догадался я.

Папа что-то промычал, потому что у него во рту уже была зубная щётка, сделал страшные глаза и свободной рукой вытолкнул меня из ванной.

Пока он брился, вскипел чай. Яичницу с салом и с луком мы сделали сами. Папа знал, когда нужно накрывать сковородку миской и какой сделать огонь, чтобы яичница получилась высокой и пышной.

— А у тебя какая была неделя? — спросил папа. — Ведь она не простая. Её на всю жизнь запомнить надо.

— Запомнил, — сказал я, набив полный рот.

— А с кем ты сидишь за партой?

— С Тегой, — сказал я.

— Странная фамилия! — удивился папа. — Может, он француз? Тогда правильно не Тега, а Дега. Был такой художник Дега.

— Правильная фамилия Теги — Гусев. А почему Тега, я не знаю.

— Конечно, Гусев! Тега-тега! Так гусей называют в деревне, — смеясь, сообразил папа. — Ну а тебя как прозвали?

Я ничего не ответил, глотнув чая. А про учёбу папа, наверно, решил меня не спрашивать в выходной день.

Позавтракав, он решительно сказал:

— Я понял, что мы должны сделать! Даже не сделать, а совершить! Что-нибудь необычное! Что-нибудь из ряда вон выходящее! И тогда вся серость исчезнет.

— Слушай, а я тебе тоже всю неделю казался серым? — спросил я.

— Ты мне казался фиолетовым! У тебя даже уши были в чернилах, — сказал папа.

— А мама?

— Мама всегда прекрасна, — строго заметил папа.

— А может, у тебя фамилия Сероглазов, — вдруг сообразил я, — из-за того, что ты всё видишь серым?

— Фамилия не имеет отношения к настроению человека, — сказал папа. — Быстро собирайся.

«Ещё как имеет! — подумал я. — Посмотрел бы я, какое у тебя было бы настроение от прозвища Двапортфеля!..»

ГЛАВА 3

Мне собираться было нечего. А вот папа зачем-то надел свой хороший костюм, белую рубашку, чёрные туфли, и мы вышли из дома.

Если бы не горьковатый дымок над газоном — это на нём всю ночь тлела куча опавших листьев, — я бы ни за что не поверил, что уже осень. Так на улице было тепло и солнечно.

На нашей очень шумной по обычным дням улице стояла тишина. И было совсем мало людей и машин. А грузовики вообще не попадались нам с папой по дороге. Выходной — значит, выходной.

И воробьи вовсю чирикали на ветках тополей, но среди них нельзя было узнать того, которого я мог бы взять в плен, но не взял, а, наоборот, мог спастись.

Папа положил мне руку на плечо.

— Ну, давай думать. Что необычного ты можешь предложить?

— Прокатимся на такси, — предложил я.

За нами медленно ехала «Волга». Видно, шофёр надеялся, что нам надоест идти пешком.

— Ну, что это такое? — Папа поморщился. — Нашёл необычное! Нет у тебя фантазии.

Тут над нами пролетел реактивный лайнер.

— Тогда слетаем хотя бы в Крым и обратно!

— Вот это уже интересней такси. Это — прекрасно! Два часа — и мы у моря! — воскликнул папа. (Я замер от радости и волнения.) — Искупаемся, потом наберём камушков, съедим шашлык и опять из моря и в небо! — Вдруг папа грустно покнул языком. — Ничего не выйдет. Очень жаль.

— Почему?

— Я забыл дома купальные трусики.

— Давай возвратимся! Мы же недалеко ушли!

— Пути не будет, — сказал папа. — Ты придумывай необычное в пределах возможного. Не бросайся в крайности. На Азорские острова тебе не хочется?

— Хочется! — сказал я.

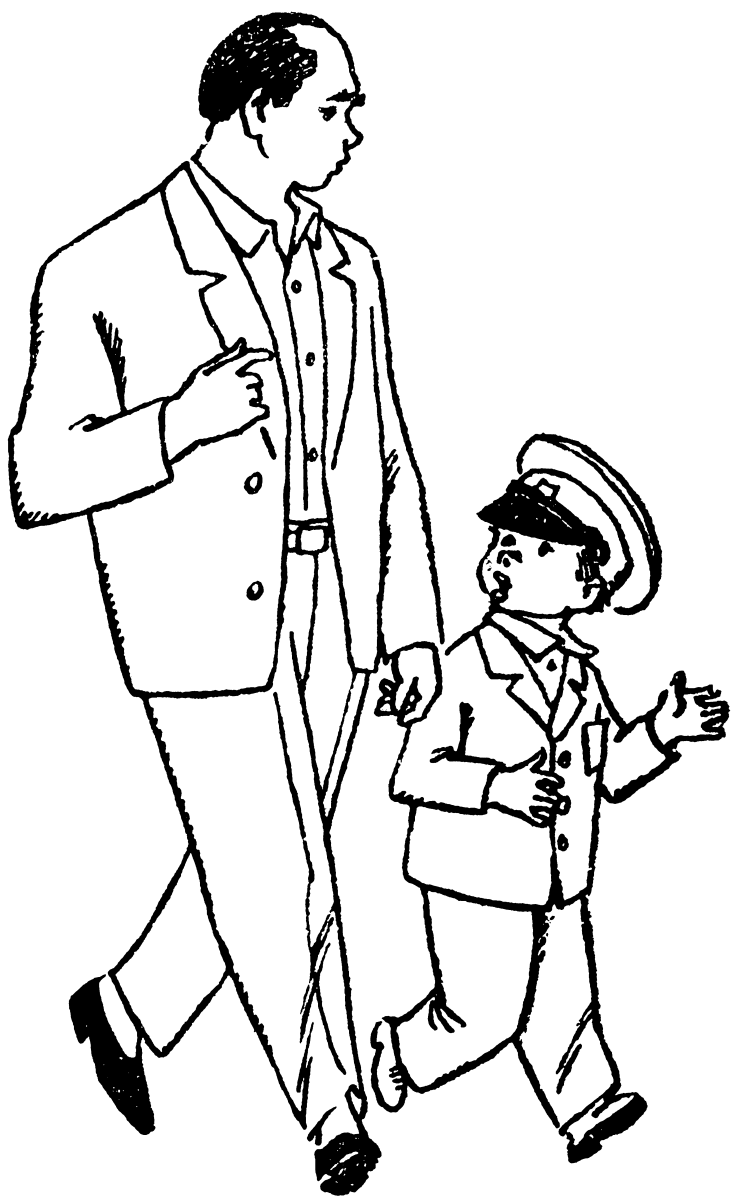
— А мне хочется взять отпуск за свой счёт и с недельку пожить в космосе. Подумать, подвести итоги. Вдали от всего человечества.

— Тебе на второй день будет скучно, — сказал я.

— Это верно, — подумав, согласился папа, — и опять же дорого.

— Тогда погуляй с дядей Сергеем Сергеевым.

Папа при упоминании имени своего лучшего друга, который почему-то не заходил к нам дней десять, нахмурился и ничего не ответил.

Мы сели на лавочку в сквере перед метро и задумались.

Папа не хотел ни в цирк, ни на пароход, ни в кафе-мороженое, ни на футбол. Он не хотел купить мяса и пойти в зоопарк кормить тигров, потом слетать на вертолёте в аэропорт. Нырнуть солдатиком с моста он тоже отказался. И многое другое предлагал я.

— Ничего во всём этом нет необычного, — сказал папа.

Я уж и не знал, что придумывать дальше. Мне самому посмотреть мультипликации и киножурналы и то показалось бы необычным.

— Понимаешь, почему мне неохота в зоопарк? Зверей и птиц там полно, а купить — ну хотя бы змею — нельзя, — сказал папа. — Поэтому мы поедем на Птичий рынок. Да, да! Там необычней всего! Я не был там целый век! Вот оно! Едем!

— Что же необычного на рынке? — спросил я.

— Всё! — крикнул папа.

ГЛАВА 4

Мы доехали на метро до Таганки. Мимо нас на эскалаторе спускались вниз люди — и взрослые, и мальчишки, держа в руках баночки, прозрачные мешочки, аквариумы, мешки и клетки. Клетки были пустые и с голубями, аквариумы — с рыбками и без рыбок.

Вдруг прямо у меня за спиной раздалось: «Ку-ка-ре-ку-у!»

Я обернулся. Стоявшая на ступеньку ниже тётянка испуганно запихивала в корзину красивую

петушиную голову. А петух забился в корзинке, наверно, разозлившись, что ему не дали как следует покуракаться.

Впереди нас кто-то тьякнул, потом кто-то мякнул.

— Разве на Дзержинской или Арбатской такое услышишь? Здесь всё необычно! — вслух сказал папа.

А стоявший рядом с ним человек очень серьезно заметил:

— Мы никогда не забудем своего детства на лоне природы.

— Вы абсолютно правы, — согласился папа, грустно полужакрыв глаза.

— Ты жил с ним в одной деревне? — удивился я.

Папа больно сжал мою руку, что всегда означало: «Не задавай при свидетелях дурацких вопросов!»

— Всего хорошего! — улыбнувшись, сказал на прощание тот человек.

— И вам всех благ! — ответил папа и объяснил мне: — Бывает, что два человека, причём — учти! — совершенно раньше незнакомые, вдруг на секунду почувствуют родство друг с другом. Слышал, кукарекнул петух, и мы уже попрощались, как приятели, а встретимся — поздороваемся, а может, и подружимся.

— Но почему он сказал, что у вас было общее детство на природе, если вы незнакомы? — переспросил я.

— Он имел в виду детство всего человечества. Понимаешь? Всего! Оно прошло в деревнях, на лоне

природы. Городов тогда ещё не было, — терпеливо объяснил папа, начиная злиться.

— А как это ты и он запомнили детство всего человечества? Как это так? — не удержавшись, переспросил я, потому что ничего не понял.

Папа вспыхнул, но взял себя в руки и сказал очень тихо и очень спокойно. Так говорил он тогда, когда не мог ответить на мой вопрос.

— Одно из двух — или мы идём на Птичий рынок, или займёмся вопросами и ответами.

— Пойдём на рынок, — сказал я.

В маршрутном такси папа молча и задумчиво смотрел в окно, как будто вспоминал детство всего человечества...

Около ворот рынка нас сразу же подхватила толпа. Было тесно, но не так, как по утрам в метро, и никто не спешил.

Вдруг мы попали в самую толкучку, и мне всё время приходилось задирать голову.

Каких только рыбок тут не было! Их носили и в стаканчиках, и в полиэтиленовых мешочках, и в банках из-под горчицы и томатного сока, и в каких-то зеленоватых прямоугольных сосудах, похожих на куски льда.

И во всех этих банках металась, медленно плавали и неподвижно висели разноцветные рыбки.

Оказалось, что папа знал, как они называются.

Красные и чёрные с мечами на хвостах — меченосцы... Изогнутые, словно луки, и полосатые, как зебра, — скалярии... Переливающиеся разными цветами, как мамин плащ, — бойцовые рыбки... Названия всех рыб запомнить было невозможно.

Их рассматривали, приценились, вылавливали маленькими сачками.

Во многих аквариумах дрожали, словно жемчужинки, нанизанные на нитку, пузырьки воздуха. Его подкачку продавцы рыбок делали по-разному. Одни нажимали ногой на педальку, у других были надутые камеры, а один парень стучал локтем по боку, как будто у него под мышкой стоял градусник. Это он сжимал резиновую грушу. Около него собралась большая толпа. У парня на ремнях на груди висел аквариум, и в аквариуме плавали рыбки, названия которых папа не знал.

— Почём рыбки? — спросила тётенька, стоявшая рядом с папой.

— Три рубля, — мрачно сказал парень, смотря вверх покупателей.

— Это полтора килограмма мяса! — ужаснулась тётенька.

— И пять с половиной килограмм мороженого морского окуня, — вежливо подсказал папа.

— Арифметику знаю и без вас! — Тётенька смерила папу с ног до головы страшным взглядом.

— Пять с половиной килограмм окуня мы съедим за сколько? Дней за пять, — подсчитал папа. — А на пару таких рыбок можно любоваться вечно.

— Вы это серьёзно? — поинтересовалась тётенька.

— Вполне, — сказал папа.

Мальчишка, скорей всего шестиклассник, долго приценивался, раздумывал, то и дело лазил в карман, наконец решился и протянул продавцу трёшку.

— Вот эту мне! — Он показал пальцем на рыбку, ничем не отличавшуюся от других. Он настаивал, чтобы была выловлена именно эта рыбка, и продавец поймал её сачком и осторожно пересадил в банку.

Мальчишка отошёл в сторонку, всё время держа банку с рыбкой перед глазами. Рыбка закружилась так быстро, что мне показалось, будто в банке плавает живое колечко.

— Я вполне проживу без этой рыбки, — заявила тётенька.

— Несомненно, — вежливо подтвердил папа.

Потом мы ходили вдоль рядов, уставленных аквариумами, тазами с живым кормом для рыбок и мешочками с сухим.

— Давай заведём бойцовых! — сказал я папе.

— Подожди. Сначала всё посмотрим. Кстати, если потеряемся, встретимся около вон того дедушки с картиной.

Папа показал на старичка. Тот сидел на ящике, держа картину в позолоченной раме, и щурился на солнце. А эта рама неприятно била в глаза.

— Вдруг он продаст картину и куда-нибудь уйдёт? — сказал я.

Мы подошли ближе. Папа, склонив голову набок, рассмотрел картину и шепнул мне:

— Дедушка никуда отсюда не уйдёт до закрытия рынка. За пятнадцать рублей эту мазню никто не купит.

На картине был нарисован стол, покрытый золочёной скатертью. На столе стояло блюдо. И чего на нём только не было! И яблоки, и груши, и зелёный лук, и куча красных раков, и бледная, как будто недожаренная, курица, и даже непотрошённая щука с раскрытой зубастой пастью. Рядом стояла гипсовая голова без глаз, как в школьном кабинете рисования. Почему всё это папа назвал мазнёй, я не понял. По-моему, картина была красива.

— Сколько тех рыбок можно купить вместо картины? — спросил я.

— Пять. Как у тебя в школе дела с арифметикой? — неожиданно заинтересовался папа.

— Идут. Считаю палочки, — ответил я.

Потом мы смотрели на кроликов, и мне не надо было задирать голову, как на рыбьей толкучке.

Кролики лежали в корзинках, в картонных коробках и самодельных загонах из дощечек. Одни спали, другие хрустели морковкой и капустными листьями, а некоторые смотрели на меня, привстав на задние лапки, и, поводя длинными ушами, смешно топорщили губы.

Глаза у кроликов были большие, добрые, а главное, у всех разные: синие, чёрные, коричневые и светло-серые.

Я гладил кроликов, а папа беседовал с продавцами насчёт самой лучшей и выгодной породы.

— Ну, правда, здесь необычно? — то и дело весело спрашивал он, и я кивал головой.

ГЛАВА 5

Потом мы очутились на голубиной толкучке. Голубей там было гораздо больше, чем людей, и казалось, что это они разговаривают и торгуются, а голубятники тихо курлыкают.

Папа брал голубей в руки, расправлял им крылья, дул в пёрышки, осторожно тянул за клюв, потом приценился и уводил меня за руку дальше.

А около клетки с двумя бело-сиреневыми голубями папа остановился, закрыв глаза, замычал от удовольствия и спросил у продавца:

— Дорогие?

Продавец что-то неохотно ответил, а голуби посмотрели на папу так, словно они были орлами.

Когда мы отошли в сторону, папа объяснил:

— Это — почтовые. Пара стоит больше, чем мой костюм. Да что костюм! Если их выпустить в Минске, они вернуться в Москву. Умницы!

Потом мы купили по паре пирожков с мясом и выпили кваса. Папа веселел прямо на глазах и ругал себя за то, что так давно здесь не был.

Около забора, где продавались белые цыплята и курицы, я увидел тётеньку, которая считала,

что лучше мороженный окунь, чем красивая рыбка. Я толкнул папу, и мы подошли поближе.

Оказывается, тётя хотела купить того самого петуха, кукарекнувшего на эскалаторе в метро. Она строго говорила хозяйке, что гребешок у него бледный, а в хвосте не хватает самых красивых перьев.

— А вы посидите целый день в корзине и тоже небось побледнеете, — с обидой сказала хозяйка.

— Мне кажется, что в этом петухе течёт павлинья кровь, — сказал папа, погладив петуха по разноцветному перу, свесившемуся с края корзины. — Купим для домашнего зоосада?

Я кивнул, и тогда тётя быстро отдала хозяйке петуха деньги.

Самого петуха со связанными ногами переложили в огромную, с десятком «молний» сумку. Он не вырывался. Только тихо и печально говорил: «Ко-ко-ку-ко», — и глаза его были полузакрыты.

— Простите, сколько рыбок можно было купить вместо петушка? — всё так же вежливо поинтересовался папа.

— Три! — радостно сказала тётя и охотно добавила: — На даче в траве он будет ужасно красив.

— Не забудьте повесить на заборе дощечку: «Осторожно! Злой петух!» — посоветовал папа.

Очень довольная тётя улыбнулась и ушла, а из сумки торчал петушиный хвост, похожий на целую связку воронёных сабель.

Мы пошли дальше, туда, откуда всё громче доносился до нас птичий свист. Но я не мог забыть печальное «ко-ко-ку-ко» и спросил у папы:

— Петухи бывают почтовые, как голуби?

— А как же! И рыбы бывают, и птицы, и кошки. Даже черепахи бывают почтовые. Только они долго возвращаются, — пошутил папа.

— Ну а теперь тебе всё не кажется серым?

— Пожалуй, мир расцвёл. «Всё стало вокруг голубым и зелёным...» — пропел папа и потащил меня за руку к воротам, совсем в другую сторону от птичьего свиста.

ГЛАВА 6

Мы прошлись вдоль чугунной решётки скверика, за которой прогуливались люди с собаками. И все собаки были разных пород.

— Вот главный собачий пассаж, — сказал папа, когда мы свернули в переулочек за Птичьим рынком.

Здесь продавались не только взрослые собаки, но и щенки.

Взрослые собаки прижимались к ногам хозяев, не обращали внимания друг на дружку и совсем не лаяли, когда их осматривали.

А щенки так же, как и кролики, тесно лежали в корзинках, сумках и коробках.

Самые маленькие спали, устроившись поудобней. Те, что постарше, копошились, взвизгивали и щурили подёрнутые светлой плёнкой глаза.

Изредка нам попадались люди, продававшие кошек и котят.

Папа объяснил мне, что жёлтые, длинные, голубоглазые кошки с тёмными носочками на лапах и такими же тёмными кончиками ушей привезены из Азии. Из страны Сиам. Это дорогие кошки, но

папа купил бы, если бы не длинные когти и скрытый, как у всех кошек, характер.

Мне показалось: кошки не понимают, что их продают, а собаки понимают и чувствуют. И от этого мне стало так жалко собак, что я захотел уйти обратно к птицам.

Но папа не торопился. Он брал щенков на руки, гладил их, прицелялся, а у хозяина здорового пса спросил:

— Простите, а почему вы продаёте собаку, если, как вы говорите, она хороший сторож, умница, жрёт что попало и к тому же не имеет блох?

Хозяин пса немного смутился и хмуро сказал:

— Надо — покупай. Не надо — проходи. Уезжаю я.

Пёс вдруг вскочил и залаял на папу. Папа после этого погрустнел и сказал, когда мы отошли:

— Если бы у нас была собака и мы бы всей семьёй поехали в командировку, скажем, на полюс, — папа помахал рукой над головой, а потом показал под ноги, — или в Антарктику... я бы взял собаку с собой... В крайнем случае оставил бы соседям, родственникам или друзьям.

— А вдруг они не взяли бы?

— В тот самый момент они перестали бы быть моими друзьями и родственниками.

— Правильно, — сказал я.

ГЛАВА 7

Конечно, на Птичьем рынке разных животных было меньше, чем в зоопарке, но зато я первый раз в жизни как следует рассмотрел острую мор-

дочку ежа с зоркими глазёнками, намотал на руку безвредного желтопузика и увидел сиамских котов с голубыми глазами.

Я всё время тянул папу пойти посмотреть канареек и волнистых попугайчиков, но он никак не хотел уходить с собачьей площадки.

— Давай купим щенка. Что же ходить и смотреть? — предложил я, ни капли не веря в то, что папа купит собаку.

Я предложил просто так. Мы с папой не раз просили у мамы разрешения привести домой собаку, но мама ни за что не разрешала. Она говорила, что щенок — это грязь, блохи, вечные заботы и огромная ответственность.

В ответ на мою просьбу папа молча на меня посмотрел долгим взглядом. Это означало, что он сам всё знает и понимает и нечего делать ему подсказки.

И мы продолжали ходить и смотреть на собак, которые от тоски даже не бросались на кошек. Да и сами кошки при виде унылых псов не шипели...

И вдруг сзади меня кто-то громко и радостно крикнул:

— Двапортфеля-а!

Я вздрогнул, но не обернулся. Мне не хотелось, чтобы папа и все люди на рынке узнали моё прозвище. Я зашёл за папу, а кто-то ещё два раза крикнул, но уже совсем тихо. Наверное, подумал, что с кем-нибудь меня перепутал.

Немного погодя я выглянул из-за папы и увидел Тигру. Папа и мама уже строго отчитывали его за крик в общественном месте.

Тигра заметил, как я выглянул, и погрозил кулаком. За это его взяли за руки и повели дальше от собак.

Вдруг папа с силой дёрнул меня за руку. Мы очутились в толпе, окружавшей кого-то. Папе было тяжело. Он одной рукой тащил меня за собой, а другой — загребал так, словно боком плыл по Чёрному морю, борясь с волнами.

Наконец, запыхавшись, папа пробился в первый ряд. Я задрал голову на человека в очень помятой шляпе. Он держал на руках собаку.

Шерсть у неё была как у козлёнка — длинная, серо-белая, волнистая, а нерасчёсанная чёлка закрывала глаза, и казалось, что собака спит. Но она не спала, потому что чёлка над глазами всё время вздрагивала. И шевелились тёмные курчавые уши.

Я цокнул языком.

Собака потянула носом, направленным прямо на меня, вскинула чёлку. И в это мгновение я успел взглянуть в блеснувшие на солнце, полные слёз собачьи глаза.

Не успев ни о чём подумать, я потянул папу за пиджак. Он нагнулся. Я сказал:

— Давай унесём его отсюда! Давай купим!

— Ты думаешь, это будет то самое необычное?

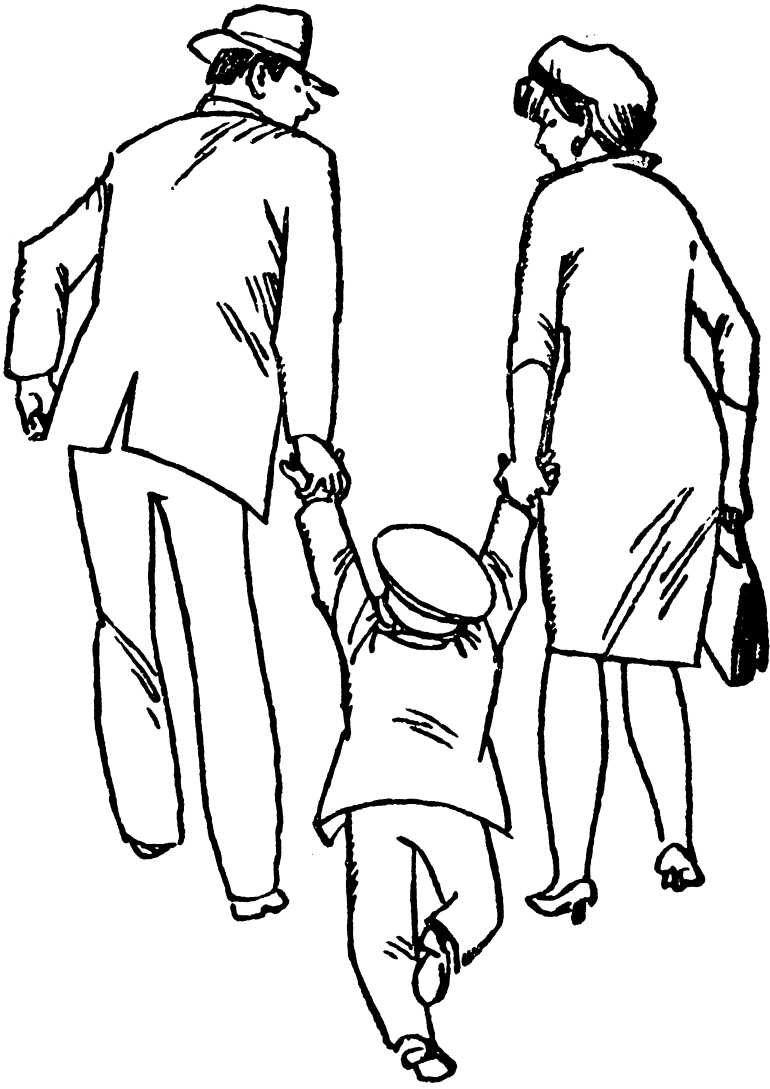
— Конечно! Ушли без собаки, а приходим с собакой. Мы с ней уже переглянулись. Давай быстрее, а то кто-нибудь другой захочет купить!

Папа сложил руки на груди и наморщил лоб. Он задумался.

У хозяина собаки то и дело спрашивали, сколько она стоит. Он коротко отвечал:

— Двадцать.

При этом глаза его как-то неприятно бегали по сторонам, и я подумал, что лучше бы не у собаки глаза были прикрыты чёлкой, а у него.

Услышав цену, многие, даже не торгуясь, выбрали из толпы. Я, не переставая, дёргал папу за пиджак. Наконец он спросил:

— Какой породы щенков?

— Помесь пумы — венгерской овчарки — с деревенской лайкой, — ответил хозяин.

— Разве деревенские лайки бывают?

— Раз бывают городские, значит, есть и деревенские, — сказал хозяин.

— Логично, — заметил папа. — А родословная и вообще документы на него у вас есть?

— Нет. Я вывез пса из Закарпатья. Если думаете, что он краденый, могу предъявить свой паспорт. Хозяин полез в карман за документами.

— Я вам верю, — сказал папа. — Но родословная у него есть?

— По линии овчарки — прапрапрадед был чемпионом Австро-Венгрии. Фон Тюбинген-Млецки. А прапрапрабабушка — фон Заксенгузнер. По линии лайки никого из знаменитостей нет.

В толпе засмеялись. Я не понял, шутит хозяин или говорит серьёзно. Какая-то старушка недовольно заметила:

— Расхваливает! Деньги большие запросил, а домой принесёшь и пожалеешь. То одно, то другое. А рынок — не магазин. Обратного не воротить.

После этих слов какое-то помятое лицо хозяина задёргалось, и он ехидно сказал старушке:

— К собаке прилагаются запчасти: лапы передняя и задняя, четыре клыка, хвост и дюжина блох.

Кроме меня и папы, все засмеялись, а старушка обиженно вышла из толпы.

— У меня есть вопросы, — сказал папа. — Возраст, имя, характер. Пожалуйста, без шуток.

— Полгода ему примерно. Ни на одно из имён не откликается. Да, да! Характер весёлый. Озорной. У меня не было времени его воспитывать.

— Понимаю, — сказал папа, посмотрев на опухший нос хозяина.

— Что ещё вас интересует? Причина продажи?

— Догадываюсь, — сказал папа, взъерошил и без того растрёпанного щенка, потрепал ему уши и пощупал нос.

«Покупай же! Покупай же!» — молил я про себя папу.

Он попросил поставить щенка на ноги. Хозяин спустил его на землю. Пёс постоял немного и улёгся, уткнувшись носом в вытянутые передние лапы.

Я сел перед ним на корточки и осторожно погладил. Щенок тихо-тихо дрожал. Может быть, он

плакал? И, не знаю почему, я вдруг почувствовал, что мы не расстанемся.

— Ну что? Купим? — спросил папа, тоже присев на корточки перед щенком. (Я кивнул.) — Деньги есть. Но мы не подумали о маме. Помнишь, что она сказала, когда мне хотели подарить бульдога?

Я вспомнил. Мама тогда сказала папе:

«Или я, или бульдог. Выбирай!»

«Конечно, ты!» — сказал папа, но мама обиделась за то, что он задумался перед тем, как ответить...

— То-то и оно-то, — вздохнул папа, а хозяин между тем снова взял щенка на руки и презрительно смотрел на нас сверху вниз. Кажется, он собрался уходить.

— Уговорим! Вот посмотришь — уговорим! — затеребил я папу.

Он наконец решился, и всё стало происходить как во сне.

Папа, не торгуясь, протянул две десятки хозяину, я подставил руки, и мне с минуту не верилось, что на моих руках лежит дрожащий мохнатый щенок.

Хозяин быстро спрятал деньги и, наклонившись к папе, сказал:

— Щенок не краденый. Запомните мою фамилию. — Он раскрыл какое-то удостоверение. Папа заглянул в него и спросил:

— Аппетит хороший?

— Не избалован. Ест всё. Почаще водите гулять. Пёс породистый. Зарегистрировать его я не успел. Пока!

Папа слушал с растерянным видом, но отступать уже было некуда.

Затем бывший хозяин таинственно исчез, а мы заметили, что на щенке нет ни ошейника, ни поводка.

Папе пришлось вынуть из брюк ремень и с помощью двух скрепок соорудить ошейник с поводком.

Я убедился, что ремень затянут не туго, крепко зажал его конец в руке и опустил щенка на землю.

— Ну, пошли, Рекс! — убито сказал папа.

Я догадался, что он, не переставая, думает, как мы придём домой и что скажет мама.

Щенок не откликнулся на имя Рекс. Тогда я легонько дёрнул папин ремешок, и щенок поплёлся за мной, понуро опустив голову, а папа шёл немного впереди нас, то и дело подтягивая спадавшие брюки. Изредка он оборачивался и выкрикивал то ласково, то строго:

— Трезор!.. Грант!.. Тузик!.. Бэмс!.. Полкан!.. Чандр!.. Тёшка!.. Чоп!.. Ринг!.. Кутя!..

Но наш щенок не обращал никакого внимания на все эти выдуманные папой имена.

Вдруг, разозлившись на это, папа засунул два пальца в рот, оглушительно свистнул, и наш щенок

даже присел от испуга, а мне показалось, что от этого страшного свиста в моих ушах заплясали тысячи горошинок и что весь рынок притих на мгновение.

Папа виновато улыбнулся и обратился к толпе:

— Товарищи! Понимаете, я подумал, что нам продали глухонемого щенка! Но он слышит. Слышит! Порадуйтесь этому вместе с нами!

Голубятники стали стыдить папу за то, что свистит в общественном месте и пугает голубей. Кто-то даже хотел позвать милиционера.

Тогда я потащил папу за пиджак, и он пошёл за мной, извиняясь направо и налево.

Я обиделся, потому что не раз спрашивал, как научиться свистеть двумя пальцами, но папа отвечал, что сам не умеет с детства и других не собирается учить.

Он догадался, о чём я думаю, и весело предложил купить на оставшиеся деньги двух волнистых попугайчиков.

— Скажем маме, что щенки продавались с сопутствующими товарами. Семь бед — один ответ!

У меня сразу пропала вся обида.

— Не надо попугаев. Лучше на такси доедем. В метро нас с собакой не пустят, — сказал я.

Мне было радостно, что мы с папой не потеряли друг друга в такой огромной толпе, и купили щенка, и идём домой, где наша мама, наверно, уже готовит вкусный обед и не знает, что теперь нас будет четверо: папа, мама, щенок и я.

Наш щенок, наверно, принял чью-то длинную ногу в сапоге за столб и поднял уж было лапу, но я вовремя дёрнул за ремешок и побыстрее увёл щенка с территории рынка.